На войну

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ7
Н119

2010

ЦГ7
Н119
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
200
27 412043
БИБЛІОТЕКА И АРХИВЪ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА БУНДА

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

НА ВОЙНУ.

(Изъ записокъ запасного солдата).

Теперь мнѣ хочется разсказать вамъ мои впечатлѣнія, вынесенныя мною во время „дѣйствительной" службы, по призывѣ меня вмѣстѣ съ другими изъ запаса по мобилизаціи нашего уѣзда. Это будетъ, такъ сказать, наблюденіе внѣшней стороны солдатскаго бытія за время явки по призыву и до дня проводовъ на войну, когда каждый изъ насъ сказалъ послѣднее прощай своей родинѣ, роднымъ и милымъ. О томъ же, что переживалъ въ своей душѣ каждый изъ насъ за это время — судить не берусь, но полагаю, что это время было одною тяжелою и безпрерывною мукою, такъ какъ приходилось кромѣ того, что прощаться съ тѣмъ, что дорого и мило, еще бросать жизнь, доступную нашему разумѣнію и вступать въ иную, недоступную, непонятную.

I

Съ первыхъ же дней нашего пребыванія въ казармахъ насъ стали муштровать, учить военному артикулу; учить ходить, говорить и главное учить тому, чтобы мы подавили въ себѣ присущую человѣку способность разсуждать, критиковать, мыслить. Главная заповѣдь солдата внушала намъ повиноваться и не разсуждать; что бы ни приказывали—исполняй, начальникъ за тебя обдумаетъ и отвѣтитъ. Потомъ выдали намъ казенное обмундированіе, т. е. обрядили всѣхъ въ одинаковый цвѣтъ и покрой одежды, такъ что пройдешь мимо знакомаго и не узнаешь его. Послѣ этого мы перестали быть похожими на людей, а стали „солдаты", вродѣ шашекъ-игрушекъ. Кричатъ намъ: налѣво, направо, впередъ, назадъ, и мы, какъ кукольные комедіанты, вертимся и крутимся,

выдѣлывая подчасъ зазорныя для взрослаго тѣлодвиженія. На первыхъ порахъ было стыдно и мучительно исполнять эту команду, такъ какъ всѣ мы, „запасные“, пришли съ большими бородами и со сложившимися уже понятіями о жизни, а тутъ вдругъ нами помыкаютъ, какъ мальчишками; и заставляютъ выдѣлывать старыя глупости, которыя нами были давно позабыты; а потомъ покрутили нѣсколько дней, душу человѣческую вымотали изъ насъ, мы и въ самомъ дѣлѣ матеріаломъ для военной игры стали. Ужъ коли душа ушла въ пятки, какой ужъ тутъ человѣкъ ты? Дальше-больше стали къ стадному обычаю приноравливаться и уже стыдились не этихъ простыхъ пріемовъ и тѣлодвиженій, а того, какъ бы не попасть на осрамленіе неумѣлымъ выдѣлываніемъ ихъ. Но какъ все это противно и не свойственно человѣку, пока онъ не забылъ себя, какъ одного ничѣмъ не связаннаго съ этой огромной толпой, кромѣ условной лжи, именуемой гражданскимъ долгомъ. Какія муки, какое горе переживали мы. Насъ выдернули съ корнемъ изъ той почвы, гдѣ каждый чувствовалъ себя болѣе или менѣе хорошо, нормально: у каждаго осталась семья: жены, дѣти, отцы, матери, хозяйство, какое либо любимое дѣло, а теперь взамѣнъ этого—казарма съ ея отвратительной атмосферой, и впереди непонятная война, а можетъ быть и смерть. Сойдутся солдаты кучами и разговариваютъ про войну, кто посмѣлѣе бранятъ громко царя и правительство за нее, выражая свое недовольство, кто какъ умѣетъ. „Куда ихъ, т. е. царя и правительство, занесли черти въ такую даль. Что намъ тамъ нужно, земли что ли у насъ нѣтъ своей?“ говорили раздраженно многіе. Были и своего рода ученые и политики, которые сцѣплялись въ споръ и за, и противъ войны. Одни говорили, что ужъ если самъ царь-батюшка посылаетъ, стало быть безъ этого нельзя, не дуракъ же Государь, чтобы зря людей изводить. Умирать за него должно по присягѣ, а не роптать; кому на роду что написано, того не избудешь. Задорные оспаривали и говорили, что если безъ драки дѣла разобрать нельзя, то пускай бы Государь шелъ самъ, да и дрался съ японскимъ Микадо, какъ Давидъ и Голіафъ, а то, вотъ онъ то, знать, хочетъ жить, а насъ на смерть гонитъ. Зачѣмъ ему было куда не слѣдъ носъ совать, а ты вотъ и подстав-

ляй бока за чужіе грѣхи. Третьи, болѣе ученые, старались по книжному объяснить и оправдать войну: они говорили, что государство есть организованный союзъ для правильнаго развитія экономической стороны народнаго хозяйства и за интересы нашего достатка мы и должны идти равно всѣ, что отъ удачи этой войны будетъ и дома намъ выгоднѣе: цѣны на наши произведенія повысятся, сбытъ будетъ обезпеченъ новыми рынками и т. п. Ученые, слышавшіе о соціалистическихъ теоріяхъ Маркса, Генри-Джорджа и другихъ, уже раздраженно говорили, что въ томъ то и бѣда, что у насъ равенства ни въ чемъ нѣтъ; нѣтъ его и въ отбываніи воинской повинности. „Что война изъ матеріальныхъ цѣлей и выгодъ, это мы понимаемъ,—это и мужики стали уже понимать, но вѣдь, чтобы равно то всѣмъ на войну идти, такъ вотъ они говорятъ, прежде надобно бы расчетъ сдѣлать и сумму нашего имущества подъитожить, тогда и сообразить: съ какой суммы человѣка для войны выставлять?“ „Это вѣстимо такъ, заговорили изъ первой партіи, мы вотъ и на сходкахъ такъ дѣлаемъ, примѣрно съ осьмака подводы правимъ, аль раскладъ какой дѣлаемъ подушно....“ „Не „вѣстимо“, а такъ, съ азартомъ доканчивали свою мысль ученые. Вы вотъ сообразите только: сколько бы солдатъ пришлось богачамъ выставлять, если бы равно то всѣмъ идти, съ имущества то? А то богачъ за свой милліонъ идетъ, а я за сто рублей, а другой и вовсе за чужую квартиру, да за брюки свои старые. Богачъ то отъ войны потомъ еще милліонъ наживетъ, а мы то шишъ одинъ, а ты вотъ равняйся съ нимъ, подставляй свою шкуру за его интересы“. „А еще бы и то сказать —говорили пятые—если война за карманные интересы только, такъ многіе бы согласились отдать все, до послѣдней рубахи, лишь бы отпустили насъ. Мы жить хотимъ, хотя бы и безъ имущество и въ бѣдности. Да и не все ли намъ равно, на кого бы намъ ни работать. Э! Это и всякій согласился бы отдать все и не идти на войну“. „Я сейчасъ при васъ и рубаху бы снялъ, и домъ отдалъ бы, и корову, и поросенка“. И я бы убѣжалъ голый, если бы отпустили, и я бы тоже, и я — кричали многіе, выражая готовность, хоть сейчасъ же снять съ себя все платье и бѣжать домой голыми, показывая этимъ хваленый русскій патріотизмъ и готовность умереть

за царя и отечество. „А намъ вотъ, поэтому, и совсѣмъ не пришлось бы на войну идти,—говорили шестые, потому мы пролетаріи, безъ всякаго имущества, живемъ мы, какъ птицы небесныя на чужихъ квартирахъ, работаемъ на людей и и намъ нечего совсѣмъ терять и защищаться отъ японца; тоже и онъ вѣдь человѣкъ; рукъ и онъ отъ насъ не отыметъ, а нашъ капиталъ весь въ рукахъ вмѣщается. Все равно на японскихъ купцовъ работать станемъ, безъ хлѣба не будемъ, а до высшихъ намъ все равно, кто бы ни царствовалъ, намъ что ни попъ, то и батько, только вотъ приставъ съ околодочнымъ помягче бы былъ". „А по моему, братцы, и всѣмъ то намъ не слѣдъ на войну идти, кровь свою проливать за русскихъ капиталистовъ да на царствующую династію — заговорилъ шестой единичнымъ голосомъ, — имъ то дѣйствительно безъ войны нельзя, потому богачамъ важно охранить свои интересы въ чужой Манчжуріи, а правительству важно удержаться у власти и поддержать свой престижъ передъ другими правительствами, а намъ-то совсѣмъ нѣтъ никакого интереса въ этой войнѣ, такъ какъ народъ отъ нея никакими выгодами не воспользуется, а платить оброкъ и налоги и японецъ позволитъ съ радостью, только скажетъ—давай, пожалуйста. А вѣдь у насъ берутъ послѣднее — нашу жизнь, которая у насъ только одна и которой они вернуть не могутъ. Ступай для ихъ интереса, броди тамъ по чужимъ землямъ, не жравши, не спавши, корми вшей, а потомъ издыхай, гдѣ нибудь въ канавѣ, никѣмъ не оплаканный. Насъ вотъ все пугаютъ непріятелемъ, что онъ насъ завоюетъ, покоритъ. Это, братцы, все капканы одни для насъ, пужалы... Насъ тысячу лѣтъ назадъ, какъ покорили и съ тѣхъ поръ мы по чужой дудкѣ пляшемъ, чужими мыслями и науками живемъ, намъ бояться совсѣмъ нечего, непріятель не заставитъ насъ воду толочь, не запряжетъ въ соху, такъ какъ онъ понимаетъ лучше нашихъ помѣщиковъ, что на мужикахъ выѣзжать не выгодно, когда разныя машины пошли, а порядки то японецъ у себя дома лучше нашихъ имѣетъ и у насъ бы ихъ перемѣнилъ. Ну, что намъ отъ того, что у насъ въ Петербургѣ, вмѣсто Николая II, какой нибудь Сидоръ I будетъ, а вѣдь, у насъ, повторяю, нашу жизнь берутъ, душу нашу на пяло выворачиваютъ, ступай, говорятъ,

за 10 тысячъ верстъ и издыхай по долгу присяги. Эхъ бѣда бѣда на наши плечи привалила."

Такіе и тому подобные разговоры привлекали толпу слушателей и за нихъ не только не слышно было осужденія отъ своихъ же запасныхъ, но всѣ эти солдаты жадно ловили каждое слово и облегченно вздыхали, когда слышали выраженіе словами того самаго ропота и недовольства, которое каждый изъ нихъ безмолвно чуетъ и носитъ въ своей душѣ, какъ протестъ противъ нарушенія его личной жизни и того безобразія войны, ради которой онъ и долженъ теперь во цвѣтѣ лѣтъ оборвать свою жизнь со всѣми ея радостями и привязанностями; въ особенности, когда около спорящихъ оказывались бабы, жены запасныхъ, чутьемъ понимавшія разговоры и не забывавшія слезами подтвердить рѣчь говорившаго, что придавало окраску интимности бесѣдующимъ и сдружало ихъ. Когда кучка слушателей становилась большая и подходилъ, замѣтя эти разговоры, фельдфебель, то всѣ недовольно прекращали разговоръ и враждебно посматривали на него. „Ему можно, говорили по его адресу многіе, онъ шкуру-то свою продалъ (сверхсрочныхъ всегда солдаты зовутъ „шкурой") небось 5 тысячъ успѣлъ нажить отъ солдатскихъ харчей; его семья безъ хлѣба не останется, не то, что наши; шкура продажная!..." Такіе разговоры были часты, но коротки, такъ какъ „начальство" изъ нижнихъ чиновъ своимъ присутствіемъ стѣсняло свободу выраженій и приказывало расходиться, но и расходясь изъ такой толпы, всякій намѣчалъ себѣ товарища, который ему больше оказался по душѣ за свои разсужденія и потомъ, по двое, по трое такіе товарищи сидѣли долго, долго и втимолку дѣлились своимъ горемъ и за свои оставленныя ими семьи, которыя теперь должны нищенствовать и за то, что то дѣло, которымъ кто изъ нихъ кормится, должно идти въ упадокъ или прекратиться совсѣмъ и, главное, за безсмыслицу войны, идея которой не была понятна. Прислушиваясь къ этому „духу войска", я удивлялся тому: откуда берутъ газетные обманщики, кричащіе о народномъ возбужденіи, о гражданскомъ патріотизмѣ, о храбрости русскаго войска; все это обманъ и неправда. Правда, все это есть, и патріотическая готовность жертвовать собой и храбрость, но это только у тѣхъ, до кого не коснулось дѣло лично, а мы,

солдаты, люди, какъ и всѣ люди, всѣ мы жить хотимъ и каждый только и думаетъ одно: какъ бы найти такую лазейку, въ которую можно было бы улизнуть и избавиться отъ войны, и это въ порядкѣ вещей для русскаго человѣка, со степенью его духовнаго развитія. О сознательномъ же самопожертвованіи и геройствѣ и рѣчи быть не можетъ; разумѣется, бахвальства много и лицемѣрія тоже, но настоящаго фанатизма злобы противъ какого то тамъ врага и желанія спокойно идти на смерть ради цѣлей войны нѣтъ и въ поминѣ, и вся эта восхваляемая храбрость въ томъ лишь и состоитъ, что мы трусы передъ своимъ начальствомъ, у которыхъ есть для насъ военно-уголовные законы, которые во время войны только и предписываютъ смертную казнь, такъ что по неволѣ будешь храбрымъ, когда узнаешь, что если ты не станешь повиноваться и не пойдешь впередъ „на непріятеля“, то тебя свои же застрѣлятъ, а если пойдешь „на врага“, то можетъ быть еще и цѣлъ останешься, въ этомъ вотъ вся и храбрость солдатская: страхъ съ надеждою остаться все же цѣлымъ гонитъ ихъ впередъ, и страхъ предъ разстрѣломъ отъ своихъ же не позволяетъ идти назадъ, да и идти тебѣ некуда, когда завезутъ тебя за 10 тысячъ верстъ, тамъ ты уже поневолѣ отдаешься власти командировъ, такъ какъ иначе все равно пропадешь, не зная ни мѣстности, ни тамошняго языка.

II

Пока мы были въ казармѣ, до самой выгонки изъ города, ко всѣмъ ближнимъ запаснымъ ходили жены съ дѣтьми и родственники и это придавало еще больше муки. Смотришь, сидятъ межъ солдатами бабы и втихомолку слезы утираютъ, а ребятишки, у которой грудной, сильно кричатъ и пищатъ, у другой такъ и надрывается, а мать и вниманія не обращаетъ; до нихъ ли теперь имъ, они и сами отъ горя полупокойниками высматриваютъ и рады бы радехочки отъ дѣтей избавиться, а кругомъ шумъ, крикъ, пѣсни, пьяныя пляски и всякое бахвальство и не слышно въ этомъ хаосѣ почти ни дѣтскаго крика, ни вздоховъ и стоновъ ихъ матерей. Смотришь на эти тягостныя картины и невольно хочется думать, что какое то проклятье тяготѣетъ надъ нашей жизнью. Хо-

чется жить, дышать, а воздуху и жизни нѣтъ, а между тѣмъ свѣтитъ солнце и весь божій міръ кажется въ это время такимъ дорогимъ и привлекательнымъ. Теперь бы убѣжать подальше отсюда, думаетъ каждый въ отдѣльности, въ поле, въ лѣсъ, чтобы не видѣть и не слышать этого шуму, не видѣть этой огромной толпы живыхъ людей, предназначенныхъ и обреченныхъ для смертной погибели...

—Вѣдь всѣхъ-то ихъ у меня четверо, всхлипывая, разсказываетъ по городски одѣтая баба дуугой, деревенской; — это то вотъ самая большенькая, шести годочковъ, а на рукахъ-то еще грудной, десятый мѣсяцъ, а дома то еще двое остались, ужъ хозяйку попросила доглядѣть за ними, теперь, чай, ревутъ коровами, дожидаючись. Сами то мы по квартерамъ все скитаемся, мой то слесаремъ былъ, краны работалъ... Такъ все съ хлѣба на квасъ со своей оравой и перебивались, а теперь вотъ сразу и жрать нечего и за фатеру платить нечѣмъ, и что теперь дѣлать я съ ними стану одна и ума не приложишь, хочь бы этотъ вотъ, на рукахъ-то померъ, Богъ далъ, руки мои опросталъ бы, все съ троими-то легче было бы по бѣлу свѣту мыкаться.

— А я вотъ со своимъ не въ кои вѣки избу новую поставили, корову завели: отдѣлившись то мы ужъ пять годовъ, все въ завалюшкѣ жили, не было у насъ ничего, въ исполы и землю свою отдавали, двѣ души достались намъ отъ братьевъ. А нынче весну то сами яровое вздумали сѣять, сѣменовъ сберегли своихъ, а теперь вотъ поди... мужикъ и посѣять всего не успѣлъ, какъ затребовали его; теперь и сѣмена остались втунѣ, такъ и продали позавчерась, все одно пропадать намъ всѣмъ. Какъ, милая моя, взошелъ онъ, староста-то эфтотъ, въ избу къ намъ, а мы съ Митріемъ чай пили, подалъ ему листочекъ, такъ у меня и екнуло сразу и руки сами опустились, блюдечко выпрыгнуло изъ рукъ, малому-то своему руку ошпарила, вишь и сейчасъ всю завязану носитъ, вѣдь быть же такой бѣдѣ... Оно, знамо, слухи-то и были, что собирать зачнутъ ихъ, а все какъ то не вѣрилось, все отъ себя бѣду норовила гнать. Ужъ я, касатка, горилась, горилась, убивалась, убивалась, а што толку то... Даже на Бога роптать зачала. Потому справедливости то Онъ не дѣлаетъ; теперь вотъ взять хоша мою золовку, со-

колъ то ее въ Москвѣ живѣйничаетъ и не забираютъ его, а вѣдь съ моимъ и служили вмѣстѣ. Она будетъ съ нимъ въ новомъ платьѣ Троицынъ день разгуливать, на базаръ за краснымъ товаромъ поѣдутъ, а я вотъ суму готовь, по міру ходить собирайся съ ребятенками. У меня ихъ даже пятеро, а на пустое мѣсто ихъ не выростишь, они тоже, какъ глаза продираютъ утромъ, такъ ѣсть спрашиваютъ. Какая же справедливость на свѣтѣ, и Богъ то, знать, не всѣхъ поравнялъ... Ужъ я, касатка моя, къ батькѣ ходила, у него плакалась на свою горькую долю. Ничаво, говоритъ, молись, Богъ дастъ воротится: вишь насъ такихъ то сколько здѣсь, тыщи, такъ ко всѣмъ и воротятся, дожидайся! поди, смотри половина то не возворотится, а може и всѣ тамъ пропадутъ, ишь, сказываютъ, даль-то какая, прости господи, туда, словно на тотъ свѣтъ. А матка то попова и говоритъ наединѣ мнѣ: ты, говоритъ, Прасковьюшка, не плачь и не убивайся; обѣщаніе, говоритъ, дай, къ отцу Серафиму сходить, Богу помолиться, это, говоритъ, очень хорошо будетъ; Богъ-то, говоритъ, не захочетъ, чтобы твое обѣщаніе втунѣ осталось, а какой тутъ втунѣ, я бы теперь къ соловецкимъ мощамъ сходила, кабы воротился то онъ, да штойто и не вѣрится совсѣмъ, такъ и провожаемъ, какъ въ сыру землю, я своему и рубаху смертную положила, все не бралъ, серчаетъ, говоритъ: сжить меня не чаешь; а я и сама коровой реву и ребятишки всѣ обступили, выть зачали... вотъ, касатка, до чего дожили, ложись живая въ могилу и помирай.“ И обѣ бабы, сидя рядкомъ подъ шумъ казармы расплакались, потомъ немного утѣшившись, одна продолжала:—У васъ то вотъ изба своя есть, корова, хозяйство, хочь какое ни есть, ты все какъ у своего дѣла будешь, хочь плохо, а въ своемъ то углу куда веселѣй, все какіе ни есть, а пожитки приспѣты, а наше то вотъ дѣло возьми: какъ пересталъ онъ подпилкомъ смыгать, такъ и жрать нечего и за фатеру нечѣмъ платить а вотъ онъ все пристаетъ: денегъ на вино давай! а чего я ему дамъ, гдѣ возьму? И его-то очень жалко, онъ-то больше мово убивается. Когда выпьетъ то — веселъ, а какъ не случится, такъ на него и смотрѣть жутко, какъ потерянный ходитъ. Ужъ очень шибко по ребятенкамъ скучаетъ. Вечеръ то придетъ, а они къ нему лѣзутъ, маленькіе, ничего не по-

нимаютъ, а ему то, знамо, и прискорбно; возьметъ онъ махонькихъ на руки, а самъ въ слезы, самъ словно махонькій станетъ... ужъ я, грѣшница, и бояться за него стала, вѣдь, вотъ сказывали давя, что въ Чулковѣ тоже одинъ повѣсился, грѣхъ то, сказываютъ, постоянно за нами ходитъ. Тоже вотъ, сказываютъ, насчетъ способія: говорятъ, выдавать зачнутъ, я ужъ ходила и туда и сюда, гдѣ ни гдѣ была, всѣ пороги отоптала, ничого нигдѣ не дали, помрешь пять разъ до этого способія, а я ужъ и такъ въ лавочкѣ чуть ни за ради Христа въ долгъ забираю; ѣсть то нужно чего; о себѣ не толкуешь ужъ, только бы ребятамъ хоть рты напихать. Правда, родная, твоя, жили, жили и дожили до ссила, годно, годно, такъ бы живая и легла въ могилу...

III

Послѣ нѣсколькихъ дней муштровки, или какъ здѣсь говорятъ „военнаго образованія“, намъ часто стали дѣлать смотры, для того, чтобы возбуждать ревность къ службѣ и разжигать злобный патріотизмъ ненависти къ „врагу“, котораго мы не видѣли доселѣ и о которомъ мало слышали. Смотрѣли всѣ отъ низшаго до самаго высшаго и каждый старался насъ всячески задобривать похвалами: „Молодцы, братцы! Надѣюсь, братцы! Поддержимъ честь и славу нашего боевого полка, постоимъ за государя и за православную Русь,“ и т. п. Такая публичная похвала отъ „высшаго начальства“ кружила головы солдатамъ и они дальше-больше и впрямь стали о себѣ очень высокаго мнѣнія: пьянствовали, шумѣли и уже на своихъ полуживыхъ бабъ и дѣтей стали смотрѣть, какъ на обузу, мѣшающую имъ форсить одинъ передъ другимъ. Передъ каждымъ такимъ смотромъ насъ поднимали чуть ли не съ вечера и все заставляли чистить аммуницію, хотя на ней и чистить нечего, а что и можно, такъ для этого было достаточно пяти минутъ, а насъ часовъ пять сряду все нудили этой чисткой. Фельдфебеля и взводные все время выкрикивали, что бы все чище было, и за то, что мы оставались почти не спавши, и потомъ толклись цѣлый день на ногахъ въ ожиданіи „высшаго начальства“ намъ говорили: спасибо братцы, надѣюсь братцы, молодцы

братцы и т. п., но усталость давала себя знать и эти „молодцы“, по приходѣ въ казарму, потные и пыльные, скидывая съ себя хомуты и разные мѣшечки съ солдатскою аммуниціей, забывали важность своего званія и бранили на чемъ свѣтъ стоитъ этихъ командировъ и генераловъ, за то, что они „зря ихъ мучаютъ“, что для войны ничего этого и не нужно и что это имъ нужно для того, что бы повеличаться передъ солдатами своими чинами и мундирами. Наконецъ, наступилъ день „высочайшаго“ смотра. Наканунѣ этого дня насъ подняли съ зарей, точно мужиковъ къ сѣнокосу, и стали муштровать, потомъ погнали за городъ на плацъ и часовъ шесть гоняли и репетировали въ присутствіи его превосходительства. Учили, какъ здороваться съ царемъ, какъ кричать ему „ура“, какъ ходить „церемоніальнымъ маршемъ“, какъ брать на караулъ и стоять не шевелиться, какъ мертвымъ. Заранѣе были разбиты линіи для ротного построенія и насъ сгоняли въ эти квадраты съ тѣмъ, чтобы мы сразу выучились становиться на свое мѣсто такъ, чтобы во всѣ стороны были изъ солдатъ правильные ряды. Одинъ капитанъ, мѣтящій въ баталліонные командиры, особенно ретиво старался установить насъ правильно, какъ игрушки, до хрипоты надрываясь, кричалъ онъ во всю мочь: „эй, ты, слѣва седьмой, догни голову вправо; слѣдующій, плечомъ доверни; въ первомъ ряду восьмой! лѣвый носокъ доверни, такъ, вотъ такъ; еще немного, еще; тринадцатый, пятнадцатый, шестой, второй, влѣво, назадъ, подай корпусъ впередъ, еще, еще немного, такъ, стой, не шевелись, замри на мѣстѣ. Опять разровнялись! Смирно!! Пятый, грудь выше, подожми локоть; шестой, не опускай головы, что ты какъ мертвый согнулся, выше, еще выше, стой, замри“ и т. п. Отъ волненія и гнѣва капитанъ дѣлался красный какъ ракъ, но такъ какъ солдаты хоть и не совсѣмъ уже люди, но и не совсѣмъ игрушки, а потому опять одинъ уклонялся влѣво, другой отогнулъ правый носокъ, третій заглядѣлся въ сторону скакавшаго по фронту генерала, четвертаго укусила муха и онъ, вздрогнувъ, инстинктивно поднялся на вершокъ, подался влѣво и опять бѣдный капитанъ, отчаянно жестикулируя, оралъ во все горло: чтобы седьмой довернулъ сапогъ, десятый приподнялъ подбородокъ, одиннадцатый довернулъ плечи, двѣнадцатый опустилъ

на вершокъ штыкъ и т. п. Глядя на его измученное красное лицо, нельзя было его не пожалѣть: такимъ смѣшнымъ казался онъ со своею Сизифовою пустою работой, а вѣдь онъ все это продѣлывалъ вполнѣ искренно и съ артистическою любовью, страдая за то, что его команда въ точности не исполнялась; очевидно и на умъ ему никогда не приходило критически отнестись къ этой работѣ и спросить самаго себя: что такое онъ всю жизнь дѣлаетъ и почему такъ безпокоится и волнуется оттого, что седьмой въ первомъ ряду на вершокъ подался влѣво, а восьмой не можетъ стоять прямо, какъ палка и гнется, и что случится, если у девятаго правый сапогъ такъ и не будетъ довернутъ на вершокъ вправо?

На другой день насъ разбудили въ 2 часа ночи и до 10 утра и взводные и фельдфебеля снова выкрикивали: почище ребятки, почище, сапоги, ноги, пуговицы, пояски, все чтобы въ порядкѣ было; подтянитесь, ребятки, постарайтесь для нонѣшняго дня: почище, почище, ребятки. И „ребятки“ старались, что есть мочи: толклись на одномъ мѣстѣ, переливали изъ пустого въ порожнее, перекладывали амуницію съ мѣста на мѣсто, снимали хомутъ изъ скатанной шинели, надѣвали опять и опять снимали и такъ цѣлыхъ восемь часовъ. Устали тошнѣе Крыловской мартышки, а работы не было видно никакой. Въ 9 ч. построили на предварительный смотръ и опять та же исторія: пятаго заставляли глядѣть прямо не сморгнувши, седьмому подправляли каблуки, восьмого передергивали слѣва на право за плечи, девятаго никакъ ни могли заставить таращить и водить глазами за начальникомъ. Въ 10 ч. вывели на казарменный дворъ опять для смотра начальниковъ повыше и „господа офицеры“ опять волновались, краснѣли отъ напряженія, жестикулировали, придираясь къ Семенову за то, что онъ коситъ глазами, а къ Тараканову за то, что онъ всетаки оттопыриваетъ пузо, а Масловъ не можетъ выровнять на полвершка въ линію носки сапогъ. Къ 12 ч. насъ выгнали за городъ на площадь и до $6^1/_2$ вечера, до пріѣзда царя, все муштровали и ровняли по линіи нарѣзанныхъ квадратиковъ. Господа офицеры точно преобразились или почуяли приближеніе конца. Передъ ними была задача важнѣйшаго въ ихъ жизни тайнодѣйствія. Нужно было

видѣть, какъ они волновались, кричали, мыкались изъ стороны въ сторону, а „высшее начальство“ скакало галопомъ на красивыхъ коняхъ, хотя скакать было некуда и незачѣмъ. Вчерашній капитанъ изъ кожи лѣзъ, довертывая на вершокъ носки, поворачивая и подымая головы, выравнивая штыки, подавая ряды людей то на вершокъ влѣво, то на вершокъ вправо, точно отъ этого вершка зависѣла возможность ему жизни и смерти. „Какъ подъѣдетъ государь, поздоровается, такъ и валяй „ура“, да чтобы непрерывно, кричи, пока духу хватитъ“, — говорилъ внушительно капитанъ.

— Видишь, сосѣдъ уморился кричать, ты и подхватывай; ты усталъ — третій пусть тянетъ и такъ, чтобы непрерывно выходило; да чтобы не обрывать сразу, а въ переливочку норовите, вотъ такъ: ура—а, ура—а, ур—а“. А тѣмъ временемъ по рядамъ проѣзжали жандармскіе офицеры и подозрительно осматривали солдатъ и сзади и спереди и если замѣчали, что карманъ мундира или штановъ немного оттопыренъ, то приказывали посмотрѣть: что лежитъ у солдата въ карманѣ? Затѣмъ свои ротные офицеры по ихъ распоряженію осмотрѣли винтовки, для чего всѣ солдаты открыли затворы, но ружья оказались у всѣхъ пустыми. Ждать царя приходилось такъ долго, что отъ усталости и сонливости у всѣхъ пропала охота его смотрѣть и многіе даже стали роптать потихоньку, что попусту цѣлый день на вытяжкѣ держатъ и что не могли привести сюда не за 6, а за часъ только. Наконецъ, въ городѣ зазвонили въ колокола. „Ѣдетъ“, облегченно вырвалось у всѣхъ. Офицеры засуетились и торопливо бросились выравнивать головы, ноги и руки солдатъ, а высшее начальство принялось съ новой силой скакать и гарцевать по всему фронту. Впередъ подъѣхалъ верхомъ дядя царя, Сергѣй, съ сѣдымъ бородатымъ генераломъ. Напряженіе солдатъ было такъ сильно, что они и не разсмотрѣли: кто подъѣхалъ, да имъ, впрочемъ, было все равно, такъ какъ собственно личность не имѣетъ тутъ никакого значенія по пословицѣ: кто ни попъ, тотъ и батька, и на привѣтствіе Сергѣя передовые рванули, какъ бы выпуская сразу весь духъ, который они задерживали до этого момента, затаивъ дыханіе: „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество“! и уже затянули было безконечное „ура“, какъ и училъ добро-

совѣстный капитанъ, но передовые офицеры сообразили ошибку и съ трудомъ остановили этотъ вой. Сергѣй также хвалилъ, благодарилъ, говорилъ: „надѣюсь братцы, молодцы братцы“ и т. д. Объѣхалъ фронтъ, бойко здороваясь съ „молодцами“ и затѣмъ поскакалъ дѣлать встрѣчу племяннику, который тоже подъѣзжалъ верхомъ. Частная публика изъ любопытныхъ, какъ только увидала царя, такъ и завопила безконечное „ура“, даже солдатъ обозлила и навела на грѣхъ. „Чего орутъ, чего горланятъ, осудительно заговорили солдаты, чему обрадовались, насъ вотъ заставляютъ кричать, приказываютъ, а они съ дуру охотой орутъ...“ Потомъ какъ бы что-то сообразивши, солдаты заговорили съ завистью: „Э! Да на вашемъ-то мѣстѣ и мы бы стали по охотѣ глотку драть, вы вотъ покричите, покричите да домой пойдете, а вы бы вотъ въ солдаты пошли, да на войну сбирались, тогда охотой-то и не больно бы стали зѣвать.“ Подъѣхавши къ первому баталіону, царь поздоровался, при чемъ не сказалъ ни молодцы, ни дѣти, а назвалъ лишь по имени полка. Личность его противъ 1894 г. весьма похорошѣла. „Очень поправился“, зашептали солдаты — „ишь и шея толстая стала“, „Э! Да онъ на нашего ротнаго похожъ“. „Смотрите, смотрите, да въ немъ никакого совсѣмъ геройства не видно, просто офицеръ и офицеръ, чего ради было насъ цѣлый день-то мучить?“ „А какъ силился, чтобы погромче намъ крикнуть здорово-то!“ „Нѣтъ, не къ лицу ему его санъ, не идетъ онъ ему“... Поздоровавшись и поздравивъ насъ съ походомъ, царь поѣхалъ по всему длинному фронту, здороваясь и поздравляя и чѣмъ дальше, тѣмъ скучнѣе ему становилось говорить все одни и тѣже слова, тѣмъ труднѣе становилось напрягаться, чтобы крикнуть погромче и къ концу онъ совсѣмъ уже утомленно и вяло выговаривалъ обычное: „здорово“ и „поздравляю съ походомъ“. Съ виду онъ очень симпатичный и кроткій человѣкъ и я думаю, что, благословляя и посылая людей на убійство и смерть, онъ, по своему духовному складу, долженъ жестоко страдать въ душѣ, и навѣрное онъ съ охотой бы помѣнялся на это время ролями съ самымъ послѣднимъ бѣднякомъ, лишь бы избавиться отъ тяготы царскаго величія и связаннаго съ нимъ моральнаго гнета. Пока онъ объѣзжалъ фронтъ и здоровался, солдаты неистово кричали „ура“, пе-

рекрикивая одна рота другую и стараясь не обрывать, а переливать какъ бы изъ бочки въ бочку. Объѣхавши кругомъ, царь собралъ въ кучу офицеровъ и, взявши икону, благословилъ ею одного изъ нихъ, который съ великаго счастья припалъ на колѣни, и отдавъ ему эту икону, что-то сталъ говорить, чего за гвалтомъ ура съ переливочкой не было совершенно слышно. Икону эту потомъ отдали фельдфебелю съ большою бородой и съ большими ясными медалями и тотъ сталъ носить ее по рядамъ солдатъ и нѣкоторые по простотѣ своей падали передъ этимъ фельдфебелемъ на колѣни, большинство же только открещивалось руками и слегка кивало головами, какъ бы говоря: „мы тебя и такъ знаемъ, что ты 8 роты, а икона вчера еще стояла въ лавочкѣ Кочерина и мы ее много разъ видѣли“.

Затѣмъ было приказано переднимъ ротамъ повернуться кругомъ и вдоль длиннаго ряда лицомъ къ лицу стоящихъ людей и поѣхалъ опять царь и, обращаясь уже къ солдатамъ, что-то говорилъ имъ, чего опять за крикомъ „ура“ не было отчетливо слышно. Да и царь видимо сильно усталъ и не могъ громко выкрикивать своихъ царскихъ словъ, такъ какъ онъ уже нѣсколько недѣль ѣздилъ по городамъ съ иконами, благословляя людей на смерть и поздравляя съ военнымъ походомъ. Когда же онъ проѣзжалъ мимо нашей роты, то я отчетливо успѣлъ разслышать только окончаніе какой-то фразы: — „безъ женъ и дѣтей съ честью послужите на Дальнемъ Востокѣ“. Потомъ, какъ бы спохватившись, царь обернулся къ нашей ротѣ и громко, но вяло выкрикнулъ: „богъ васъ благословитъ“. Офицеры опять потихоньку толкнули солдатъ, чтобы сильнѣе кричали ура, которое послѣ царскихъ словъ: „богъ васъ благословитъ“, какъ-то сразу смолкло оттого, что всѣмъ стало страшно, жутко отъ его царскихъ рѣчей. До этого дня и царскаго благословенія, солдаты утѣшали себя тѣмъ, что ихъ еще, можетъ быть, распустятъ, можетъ, не погонятъ на войну, а оставятъ здѣсь для несенія караульной службы, или и погонятъ, но оставятъ въ резервѣ. Когда же царь благословилъ и поздравилъ съ походомъ, то мечты эти лопнули и ужасы войны и смерти стали у нихъ передъ глазами, а потому и ура уже не стало выходить непрерывное съ переливочкой, а какъ будто рывомъ,

точно какъ будто каждый солдатъ обрывалъ на половинѣ и останавливался послушать—можетъ, дескать и безъ меня хорошо выходить, и безъ меня покричатъ, а мнѣ теперь все равно на войну идти: кричи—не кричи. Потомъ насъ перестроили въ резервные колонны и стали пропускать подъ музыку церемоніальнымъ маршемъ, а царь со свитой стоялъ и глядѣлъ и говорилъ почти каждой такой „колоннѣ“: „молодцы“, „спасибо“ и еще что-то, чего я не могъ разслышать въ общемъ шумѣ проходящихъ людей. Получивши такое „спасибо“, офицеры съ довольной физіономіей оглядывались на солдатъ, улыбались и безъ словъ говорили: вотъ какое намъ счастье выпало, на цѣлый вѣкъ его хватить теперь, но солдаты были мрачны и не раздѣляли офицерскаго мнѣнія о царской наградѣ. Благословеніе ихъ царемъ на войну не давало имъ права на веселье, да и кромѣ того и вчера и сегодня съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера насъ крутили все на ногахъ и всѣхъ мучила усталость, всѣмъ хотѣлось спать и когда „колонны“ останавливали опять на линіи построенія вдалекѣ отъ царя, то солдаты, не дожидаясь команды, спѣшили или присѣсть, или прилечь и вообще оправиться отъ намозолившихъ плечи и шею хомутовъ и сумочекъ солдатской аммуниціи. Когда всѣхъ пропустили мимо царя, царь пошелъ къ лагерной часовнѣ, возлѣ которой все время стояли въ парчевыхъ одеждахъ попы, которые при его приближеніи поклонились ему стоя почти до земли, для чего согнулись, какъ говорится, въ три погибели. Разогнувшись, они стали наскоро служить какую-то маленькую обѣдню, которую царь не слушалъ, а озирался по сторонамъ, разсматривая частную публику и представителей сословій, которые послѣ этой минутной обѣдни что-то подносили царю, царь принималъ, благодарилъ и передавалъ кому-то другому въ длинныхъ бѣлыхъ брюкахъ и шапкѣ, похожей на лодку. Насъ опять заставили кричать ура съ переливочкой, а царь подъ этотъ шумокъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ на вокзалъ, чтобы ѣхать скорѣе въ другой городъ и тамъ тоже благословлять на смерть другихъ людей. Послѣ царскаго отъѣзда насъ сталъ благодарить какой-то сѣдой генералъ, при чемъ онъ говорилъ: „молодцы братцы“, „постарайтесь братцы“, „надѣюсь братцы“ и т. п., а по отъѣздѣ сѣдого генерала, сталъ благодарить молодой

генералъ и тоже говорить: „молодцы братцы“ и т. д. Затѣмъ заставили снова кричать ура что есть мочи, во всю солдатскую глотку и повели въ казармы. Обыкновенно солдатамъ молча ходить не полагается, такъ какъ солдаты должны быть веселыми и главное „молодцами“ и всякій разъ, какъ только солдаты трогались съ мѣста послѣ ученья или смотра, солдаты запѣвали пѣсни, но на этотъ разъ вышло иначе. Какъ только разъѣхались молодые и старые генералы и тяжесть ихъ присутствія спала съ солдатскихъ плечъ, каждый солдатъ, подъ впечатлѣніемъ пережитого царскаго благословенія и вытекающаго изъ него горя, ушелъ въ самого себя и забылъ про то, что онъ идетъ въ строю, въ толпѣ чуть ли не 10 тысячъ человѣкъ, а тѣмъ болѣе забылъ, что ему слѣдуетъ теперь именно пѣть пѣсни. Офицеры пробовали заставлять, тогда двое-трое запѣвалъ запѣвали, но имъ почти никто не подтягивалъ, такъ и обрывалась пѣсня въ самомъ началѣ. Жутко какъ-то сразу стало и страшно, точно каждый чувствовалъ себя не въ 10 тыс. толпѣ, а среди ночи въ неизвѣстномъ мѣстѣ, всѣ это чувствовали, но боялись высказывать другъ другу. Молча прошли такъ съ полверсты, потомъ какой-то рыжій полковникъ, желая нарушить это неприличное для солдатъ молчаніе, выѣхалъ впередъ перваго баталіона и самъ ухорски запѣлъ пѣсню съ припѣвомъ и только послѣ этого солдаты точно очнулись и всѣ сразу воодушевленно подхватили припѣвъ и почти до мѣста 3-4 версты, пѣли съ такимъ одушевленіемъ, какого я не замѣчалъ раньше съ самаго перваго дня. У всѣхъ было тяжело на душѣ, давила неотвязная мысль о проклятой войнѣ и связанной съ нею пустой, но тяжелой канители солдатскаго бытія, и вдругъ представилась возможность сбросить съ себя эту тяжесть, отвязаться отъ назойливой мысли о войнѣ и смерти и уйдти отъ этой муки въ лихую, веселую пѣсню, которую запѣвалъ самъ командиръ; переламывая вдругъ это настроеніе, каждый какъ бы хотѣлъ сказать другимъ: „а ну, была не была, все одно ужъ намъ пропадать“. По приходѣ въ казарму, солдаты разбились на кучки, желая подѣлиться впечатлѣніями видѣннаго и слышаннаго. Нѣкоторые опять бранили царя и правительство за всю эту канитель войны и ихъ нарушенной жизни. Другіе (этихъ, впрочемъ, немного) вы-

ражали довольство по поводу выпавшаго счастья видѣть „самого государя“. „Богъ сподобилъ посмотрѣть самого Батюшку“ — говорили они. Такихъ осмѣивали и вышучивали особенно тѣ, которымъ это зрѣлище было не въ диковину. Большинство же растроганно вздыхали и въ утѣшеніе стали часто говорить себѣ: „ну, что-жь теперь дѣлать, ужъ видно богъ на то благословилъ. Вотъ и государь далъ свое благословеніе, казанскую царицу небесную; будемъ, знать, ей молиться, авось помилуетъ и спасетъ; не однимъ намъ плохо и горько, видѣли, небось, и государь чуть не плачетъ, ишь какой грустный былъ, ему тошнѣе, поди, нашего: надо насъ всѣхъ напоить и накормить, одѣть и обуть, ему и такъ нужно голову съ котелъ имѣть, чтобы обо всемъ теперь обдумать. Ладно, ребята, будетъ головы вѣшать, все ужъ одно одинъ разъ пропадать, а не десять“. И скоро опять въ разныхъ углахъ казармы раздались прощальныя пѣсни, въ которыхъ солдаты топили свою горькую долю вмѣсто водки, такъ какъ по случаю высочайшаго пріѣзда винныя лавки были заперты и водки нельзя было достать.

Съ этой роковой минуты царскаго благословенія, малая часть людей, болѣе самостоятельныхъ и свободомыслящихъ, затаила страшную ненависть и злобу на правительство и царя; другая—большая часть—прониклась тупой безнадежной покорностью къ царской волѣ и своей злой участи, той самой безсознательной и безмолвной покорностью, которая газетчиками возводится въ слово гражданскаго долга и патріотизма и которая такъ отличаетъ русскаго человѣка, отъ всякаго другого человѣка иной націи.

— Ну, что, спрашивали торопливо пришедшія въ казарму бабы, что, солдатики, царь-то вамъ сказалъ? — Благословилъ въ походъ, тетки, благословилъ, милыя, и икону въ походъ далъ, такъ что и на смерть теперь можно — говорили въ отвѣтъ солдаты. — Такъ благословилъ, тетеньки, что ажно морозъ подрало позакожей — прибавляли шутливо другіе. Будетъ съ вами, съ бабами, грѣшить, пойдемъ теперь царство небесное себѣ заслуживать, кровь свою за Россію проливать. Теперь прощайте, тетки, прощайте, милыя, безъ мужиковъ поживете на свѣтѣ, а то мы усе вамъ не хороши были, а теперь вотъ и побраниться не съ кѣмъ будетъ вамъ.

4/12043

Не однимъ намъ выть и вы еще волкомъ навоетесь безъ насъ". Бабы, еще не найдя своихъ, ужъ принялись на ходу всхлипывать и выть, и вотъ получалась грустная картина: солдаты отъ души пѣли прощальныя пѣсни, а бабы, отыскавшія своихъ мужей, сидѣли рядомъ съ ними и выли, нѣкоторыя даже пробовали причитать, какъ причитаютъ онѣ по покойникамъ, но ихъ причитанья, заглушаемаго пѣсней и общимъ хаосомъ, никто не слушалъ, а потому они обрывали ихъ на половинѣ, не высказывая всѣхъ своихъ горькихъ словъ, которыя требовалось высказать такимъ страннымъ нѣвучимъ воплемъ и, впившись глазами въ своихъ мужиковъ, какъ въ покойниковъ, переходили отъ причитаній къ тихимъ, но горькимъ слезамъ. Получалась картина гармоническаго соединенія и самыхъ искреннихъ горькихъ слезъ и самыхъ душевныхъ искреннихъ пѣсенъ отчаявшихся, но покорившихся злой участи людей. Точно какая-то мрачная царица горя и страданій опустилась надъ этими людьми, чтобы праздновать побѣду демона надъ разумнымъ твореніемъ бога любви и жизни. И такъ прошелъ этотъ мучительный для многихъ тысячъ людей день высочайшаго смотра, о которомъ въ газетахъ навѣрное напечатана ложь: что всѣ были рады видѣть государя, что все время „патріотически" кричали безпрерывное ура и что вообще „чувствовалось высокое патріотическое настроеніе, готовыхъ положить животъ свой за святую Русь, русскихъ людей", какъ это уже и напечатали о такомъ же смотру и благословеніи царемъ солдатъ въ какомъ-то другомъ городѣ.

IV.

Послѣ этого царскаго благословенія солдаты утратили всякую надежду на возможность такъ или иначе воротиться домой или попасть куда либо кромѣ войны и затосковали, какъ слѣдуетъ, стали раздражительны, задорны; къ приходящимъ навѣщать ихъ своимъ женамъ стали относиться грубо, съ азартомъ, точно какъ будто бабы были причиной ихъ несчастій: требовали у бабъ все новыхъ и новыхъ денегъ на водку, пьянствовали и безобразничали, такъ что нѣкоторые бабы стали молить бога, чтобы ихъ поскорѣе угоняли на войну. — „Да чтожъ, мои матушки" — говорила тощая сухо-

парая баба, обращаясь безпомощно къ другимъ бабамъ и солдатамъ, какъ бы у нихъ прося защиты — „мой идолъ-то совсѣмъ съ ума спятилъ! Давай да давай ему денегъ, словно я кую ихъ, ужь вѣдь и такъ и одеженьку свою дѣвичью продала, овецъ совсѣмъ съ ягнатами продала, свинью продала, все прокралъ, все потрескалъ, не захлебнулся и все ишпо пристаетъ: давай да давай, а не дашь—драться лѣзетъ; самъ вѣдь, идольный, знаетъ что съ Паски хлѣбъ покупать зачали, сами не жравши сидимъ, а ему все давай. Корову послѣднюю для твоей ненасытной утробы штоли продать? такъ и ее прожрешь, не подавишься, а мнѣ то тогда съ ребятами по міру ходить изъ за твоей глотки; ахъ ты безпутный, безпутный, хошь бы добрыхъ людей постыдился немножко, вѣдь не всѣ же такіе охальники, не всѣ вдругъ пьяные ходятъ, есть и трезвые, посмотри-ка своими бѣльмами-то“. И какъ бы въ подтвержденіе своей мысли баба озиралась круголъ, отыскивая въ толпѣ „тверезыхъ“, а ея „идольный“ сильно пьяный, задорно приставалъ къ ней, не обращая вниманія на ея уговоры и бранился, что баба жалѣетъ послѣднюю корову продать для его „глотки“.

— „Мы идемъ кровь свою проливать за вѣру и отечество, а ей коровы жалко! все равно намъ теперь ничего не нужно, казна-матушка всѣхъ прокормить и ты будешь „помочь“ казенную получать, на что намъ теперь корова своя!... Ей жалко стало, для мужа коровы жалко, а способіе за кого получать будешь? За дядю чужого? Вотъ они бабы то какіе“ — кричалъ онъ и также озирался по сторонамъ, ища сочувствія своимъ разсужденіямъ. — „Тутъ вотъ по кѣихъ поръ горе приступило — показалъ онъ выше глотки — а ей денегъ жалко, коровы жалко, ты бы пошла — я бы тебѣ брюки послѣдніе снялъ, хрестъ отдалъ бы, а не токмо что корову, на смерть идемъ-то, за всю Росею православную, а ей коровы жалко паршивой?“... И кончалось тѣмъ, что баба съ бранью, но тронутая жалостью, доставала откуда-то узелокъ, развертывала изъ него „послѣдній“, по ея словамъ, двугривенный и совала его въ морду своему „идольному“, а тотъ съ просвѣтленными взорами хваталъ деньги и тотчасъ же отъискивалъ себѣ компаніона, чтобы сообща послать еще за бутылочкой и какъ только бутылка появлялась, солдатъ за-

бывалъ свое горе выше глотки и вмѣстѣ съ компаньономъ дружно запѣвали всякія летучія пѣсни, которыя приходили на память, а бабы охали и вздыхали, говоря: „Хушъ бы скорѣе, Богъ далъ, угоняли ихъ, а то насъ-то совсѣмъ обожрали; весь сокъ изъ души повымотали, гляди на нихъ да сохни, а потомъ хушъ по міру ступай съ дѣтьми“.

V.

Теперь, когда нельзя стало утѣшать себя прежними химерами, что авось и не попадемъ на войну, и у многихъ стало пусто въ карманѣ, стало пусто также и у домашнихъ и не на что стало покупать водки, чтобы заливать ею свое горе, сейчасъ же вмѣсто химеръ и русскаго „авось“ явился на сцену богъ, явился какъ-то сразу, какъ самое послѣднее и дешевое средство утѣшенія во всѣхъ горестяхъ. Часто стали вздыхая поминать про бога, точно какого-то своего знакомаго, который хотя и отсутствуетъ сейчасъ, но, что стоитъ ему лишь вернуться, и онъ будетъ на лицо и станетъ помогать имъ и утѣшать. „Надо, ребята, богу молиться, слышали, небось, государь что сказалъ: Богъ васъ не оставитъ, на него батюшку Спасителя нужно теперь положиться. Вѣдь безъ бога то, говорятъ, волосъ съ головы не упадетъ, а не только не помрешь отъ непріятеля. Во всемъ богъ. Допуститъ милосердный, такъ помрешь, а не допуститъ, такъ и въ огнѣ не сгоришь“, говорили болѣе простые и по православному настроенные солдаты. „Теперь бы хорошо, ребята, Богу сообща помолиться всей ротой, Царицу небесную принести Иверскую“ —говорили другіе. „Чтожъ непремѣнно Иверскую, можно и не Иверскую, а Утоли моя печали отъ Вознесенія, потому всѣ мы теперь въ тоскѣ да въ печали находимся, время теперь такое,—перебивали третьи.—А вотъ Государь-то вѣдь намъ Казанскую, сказываютъ, подарилъ въ благословеніе, значитъ по государеву лучше Казанскую—высказывали четвертые.—Казанскую такъ Казанскую, потому ее часто по домамъ возятъ, вообще, и молебны ей часто заказываютъ по церквамъ, въ особенности наши бабы во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ,—вставляли пятые, но уже не съ чувствомъ религіознаго настроенія, а съ веселымъ задоромъ, заинтересовавшись щекот-

ливымъ споромъ на счетъ качественности иконъ царицъ небесныхъ.—А вотъ братцы, хорошо также двухъ или трехъ священниковъ пригласить, для соборняго служенія,—говорилъ шестой голосъ, не то искренно наивно, не то желая подлить въ огонь масла, чтобы продолжить разговоръ на эту тему.

— Знаемъ, что хорошо то, да даромъ то хорошо не бываетъ, а гдѣ теперь возьмемъ денегъ, небось они изъ нашихъ кармановъ всѣ въ монополькy перебѣжали,—перебивали тѣ, кто больше пропился и чувствовалъ въ карманѣ пустоту. — Ну, это не горе — возражали первые — доложимъ ротному о молебствіи, а поповъ сборъ на повѣркѣ устроимъ, по пятаку у всѣхъ найдется, а другой по доброй волѣ и двугривенный дастъ, не на худое дѣло, а для своей же души.—Кончилось тѣмъ, что съ вѣдома начальства устроили подписку и пригласили двухъ поповъ, которые въ назначенное время привезли и „Казанскую“ царицу небесную въ формѣ нарисованнаго на большой доскѣ масляными красками рисунка, изображавшаго огромную неестественную женскую голову, очень некрасивую, но обдѣланную въ дорогую ризу и передъ этой некрасивой женской головой попы отслужили „соборное“ молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія государю и о дарованіи ему побѣды и одолѣнія на враги и супостаты. На этомъ молебствіи солдаты вели себя честь-честью и все было выполнено въ полномъ порядкѣ; такъ, когда попы, умышленно поднимая глаза горе, опускались на колѣни, ротный тоже опускался, а опускался ротный и солдаты на него глядя падали всѣ, какъ подкошенные. Попы вставали и ротный поднимался, тоже дѣлали и солдаты. Если это стояніе на колѣняхъ немного задерживалось, то капитанъ безпокойно посматривалъ на поповъ, безъ словъ давая имъ понять, чтобы они не старались черезъ мѣру, такъ какъ все равно, дескать, это ни къ чему не ведетъ, кромѣ лишней непріятности стоять на колѣняхъ. Многіе солдаты совершенно искренно и усердно кланялись и гнули спины на эту картину съ некрасивой бабьей головой, большинство же такъ себѣ, для приличія только, и если на молебствіе и жертвовали почти всѣ, то все же больше изъ того, чтобы не отстать отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что имена жертвователей вносились въ особый списокъ, который потомъ доложили начальству, а не изъ

усердія и желанія имѣть всѣмъ сообща поповъ и царицу небесную. На другой день ротный собралъ роту и, поздоровавшись, обратился къ солдатамъ съ рѣчью: „Ну, вотъ, братцы. вы исполнили долгъ православнаго христіанина, всѣ сообща помолились Богу (хотя молились не богу, а „Казанской“) о дарованіи побѣды нашему Государю и счастливаго пути въ нашемъ походѣ, это хорошо и дѣлаетъ вамъ честь. Изъ этого я вижу, что вы имѣете вѣру (опять онъ говоритъ „вы“, а не мы, т. е. онъ себя исключаетъ изъ числа помолившихся „сообща“ богу и имѣющихъ „вѣру“, хотя онъ былъ межъ нами), а по этой вѣрѣ вы вѣдь считаете, примѣрно, что въ посты грѣхъ ѣсть скоромное, хотя, конечно, не на службѣ, или что когда вы бываете на говѣньи, то всѣ вы считаете, что въ это время грѣхъ объѣдаться, опиваться, говорить лишнее и т. п.“ И когда солдаты разомъ отвѣтили: „такъ точно Ваше-Скородіе!“ ротный продолжалъ: „Ну, такъ вотъ, ребята, и теперь тоже самое. Теперь для всѣхъ насъ наступилъ такой-же великій постъ и всѣ вы должны забыть всякія глупости, забудьте теперь своихъ бабъ съ ребятами, объ нихъ другіе подумаютъ; перестаньте пьянствовать, оглядитесь и осмотритесь, чтобы у всѣхъ было нужное къ походу. Помните, что вамъ нужно говѣть все равно какъ передъ причастіемъ святыхъ таинъ и какъ бы плохо кому ни довелось, не ропщите и будьте веселы. Плохо намъ будетъ, такъ всѣмъ плохо; хорошо, такъ всѣмъ хорошо, ну, а затѣмъ Богъ; чего ни видѣли — увидимъ. Помните твердо, что мы приступаемъ какъ бы къ великому таинству и какъ бы плохо ни пришлось, терпи во имя этого таинства и не ропщи. Помните, что въ казармѣ на солдатской памяткѣ написано: „претерпѣвый до конца спасется“, иного въ нашемъ положеніи нѣтъ: терпи и терпи. Убьютъ, такъ за тебя Богу помолятся другіе; останешься живъ, вернешься, славу и честь принесешь“ и т. п.; въ заключеніе ротный тоже назвалъ насъ „молодцами“ и говорилъ, что онъ на насъ надѣется, что мы постараемся. „Такъ точно Ваше-Скородіе, постараемся“ отвѣчали ему „молодцы“. „Да! я было забылъ объяснить вамъ самое важное“—прибавилъ капитанъ: „изъ арміи дошли слухи, что японцы, отступая, нарочно притворяются убитыми и ранеными, чтобы въ тылу дѣйствовать навѣрняка. Въ особен-

ности, когда будете, наступая, перебѣгать непріятельскую цѣпь, не обращайте вниманія на то, что непріятель будетъ валяться какъ бы убитый, все равно бей, коли, а то они притворяются, или подрѣзываютъ ноги пробѣгающимъ, или тотчасъ же стрѣляютъ въ тылъ на близкомъ разстояніи". Изъ этой вотъ науки вышло то, что тамъ, на войнѣ, на самомъ дѣлѣ бываютъ случаи, когда бьютъ раненыхъ и колотятъ уже убитыхъ, такъ это просто и понятно, а между тѣмъ цѣлая Европа удивляется звѣрству той и другой стороны, точно какъ будто не одинаковое преступленіе убить живого сразу или добивать его съ нѣсколькихъ разъ штыками или пулей.

VI.

Въ продолженіи всего времени со дня призыва и до отправки изъ общаго числа призванныхъ выбирались при тѣлесныхъ смотрахъ неспособные и ихъ большими партіями, около ста и болѣе человѣкъ, посылали въ присутствіе для переосвидѣтельствованія и большинство признавалось негодными и отпускалось домой. На такихъ отпущенныхъ со злобной завистью посматривали тѣ, кои опять признавались годными, а сами отпущенные отъ радости походили на сумашедшихъ и какъ мальчики буквально прыгали отъ радости и каждый изъ нихъ сейчасъ-же набиралъ вокругъ себя партію изъ всѣхъ желающихъ и велъ ихъ угощать, при чемъ пропивалось все, что только можно было пропить и деньги, и сапоги, и пиджаки; такова была радость освобожденныхъ; и это продѣлывали не одни только „забулдыги" и „забубенные", но и хорошіе, серьезные люди, даже мало пьющіе. На третій день своего освобожденія къ намъ въ палатку пришелъ одинъ изъ такихъ освобожденныхъ изъ нашей роты, безъ пиджака и сумочки, въ плохихъ промѣненныхъ сапогахъ, принесъ бутылку водки и, угощая всѣхъ желающихъ, торжествующе плясалъ и выкрикивалъ: „что мнѣ теперь деньги, одежа, когда я самъ цѣлъ!... Я, говоритъ, вѣдь только жисть съ той минуты узналъ, какъ мнѣ сказали, что я не годенъ, только теперь цѣну жисти понялъ, а до этого жисть то мнѣ трынъ травою была, а теперь и цѣны ей не нахожу. Ухъ, какъ хо-

рошо на волѣ-то жить, а прежде-то, говоритъ, я и жилъ-то такъ себѣ, изъ за того только, что осины себѣ не находилъ, да топиться не хотѣлось. Не повѣрите, говоритъ, товарищи, я и разсказать вамъ не умѣю о моей радости, ужъ такъ теперь хорошо жить мнѣ стало, что я думаю, что если бы я померши былъ, а потомъ въ воскресеніе превзошелъ, то и тогда хуже бы было, потому я тогда жисти не цѣнилъ, цѣны своей воли не чувствовалъ... Пейте, товарищи, допивайте, сейчасъ ишшо притащу, потому я теперь вольный казакъ, никакой формы и дисциплины не соблюдаю: сумку съ рубахами пропилъ, пинжакъ пропилъ, поддевку пропилъ, сапоги пропилъ, могу пропить и брюки и эти сапожишки, потому я самъ себѣ царь, кумъ королю теперича; пропью послѣднее, а тогда и домой закачусь, не зима, авось босикомъ-то легче бѣжать, а ужъ и помчу я теперь, товарищи, на семи борзыхъ не угонишь. А дома то теперь съ испугу и съ радости корову дадутъ пропить, потому они теперь въ отчаянье по мнѣ взошли, а я какъ снѣгъ на голову живой и засвѣчусь. У! Гульба-то какая пойдетъ, уму помраченье, пей — не хочу; пиръ на весь міръ, потому што мнѣ теперь, разъ я живой ворочусь, прямо какъ на паскѣ торжествіе пойдетъ; вѣдь провожали-то меня какъ покойника, чуть ни померли съ горести, а теперь какъ увидятъ... какъ узнаютъ, такъ и ахнутъ; откуда, спросятъ: не съ того ли ужъ свѣта припожаловалъ? Вамъ чудно, потому я пьянъ, а я пьянъ да живой и казакъ себѣ вольный... Я, говоритъ, какъ подъ чередъ-то стоялъ въ присутствіи, такъ все молитву читалъ и святыхъ вспоминалъ: отче Николае, святые Тихоны, моли Богу про насъ и ужъ рѣшился было зарокъ себѣ на водку сдѣлать, чтобы въ ротъ не брать, только бы отпустили, да только сталъ думать: на какой срокъ зарекаться и обѣтъ давать, а изъ комнаты какъ крикнутъ: Сухановъ! У меня такъ колѣнки и затряслись, глаза помутились, шагнулъ на кругъ, а самъ думаю: спаситель отче Николае, Господи помилуй, да чуть на распѣвъ не затянулъ, а доктора въ меня трубками уставились, слушаютъ, велятъ надуваться и кашлять, а я на нихъ гляжу и хлопаю глазами какъ сычъ, вертѣли, вертѣли, а полковникъ какъ крикнетъ: „Ступай, негоденъ!“ Я и думаю, ага, значитъ святые не выдали, теперь шалишь, на два дня

зароку не дамъ и въ ту пору, какъ вышелъ, сейчасъ и сумку по боку, всю къ вечеру пропили. Пей, товарищи, гуляй за мою жисть возвращенную!"

Другой освобожденный былъ мой сосѣдъ по нарамъ, городской полуобразованный человѣкъ, съ которымъ мы зачастую дѣлились своимъ горемъ и впечатлѣніями. Когда его освободили, онъ прибѣжалъ въ казарму, не помня себя отъ радости, и, разговорившись откровенно, сталъ разсказывать мнѣ, какъ онъ жестоко мучился все время, хотя наружно и старался поддерживать воинственное настроеніе и даже ободряющее дѣйствовалъ на другихъ. — „Я, говоритъ, серьезно помышлялъ о самоубійствѣ, такъ какъ, говоритъ, хотя и не ученъ разной мудрости, а не какъ не могъ помириться съ этимъ новымъ и чуждымъ мнѣ положеніемъ; много раздумывалъ о войнѣ, но никакъ не могъ понять: какъ это я стану вдругъ такимъ страшнымъ человѣкомъ, чтобы съ азартомъ бить и колоть солдатъ? Главное, я не могъ отвѣтить себѣ на вопросъ: за что я ихъ буду бить? Ну, онъ нашъ врагъ, говорятъ намъ, но вѣдь это глупости, условная политическая ложь, хотя онъ и врагъ, но вѣдь онъ также не охотой идетъ, а его гонятъ также, какъ и насъ, стало быть мы всѣ невольники въ рукахъ власти, такъ за что же мы станемъ избивать другъ друга? Развѣ за то, что одѣты по разной модѣ. Я себя, говоритъ, всячески настраивалъ, провѣрялъ, ставилъ въ разныя положенія, и все же не могъ придти къ тому положенію, чтобы можно было мнѣ спокойно стать убійцей людей, какіе лично меня не оскорбили и не сдѣлали вреда; еще по личному раздраженію, я, пожалуй, въ азартѣ и хвачу по башкѣ, но такъ, какъ на войнѣ бываетъ, право, не задушу и одного человѣка, руки не налягутъ. У меня, говоритъ, при одной мысли объ этомъ руки дрожатъ и сердце колотится, ну, а какже я взаправду-то сталъ бы на смерть людей закалывать? Мнѣ, разсказываетъ онъ, знакомый мясникъ, признавался, что какъ ни много, говоритъ, я скотины разной порѣзалъ, а не могъ привыкнуть настолько, чтобы спокойно это дѣлать, съ веселой душой, все, говоритъ, руки трясутся, какъ у разбойника, все чуешь, что ты словно каинъ, что-то недоброе дѣлаешь, ну вѣдь это со скотиной, а какже человѣка-то можно спокойно зарѣзать?

Я, такъ, говоритъ, и рѣшилъ: чтобы исполнять солдатскій долгъ, нужно себя все время приневоливать и нудить, или вовсе кусать самаго себя, чтобы больно было и чтобы отъ этой боли въ ярость приходить, ну, а это, говоритъ, посудите сами, человѣку развѣ свойственно или легко дѣлать, разъ онъ отъ своего ума не отказался и не попалъ подъ общій солдатскій гипнозъ? Ну, вотъ, въ такихъ то мысляхъ я и затосковалъ, а тутъ еще и домашнія обстоятельства сразу пристигли. Недавно я только маленькую слесарную завелъ, людей нанялъ, въ долги влѣзъ, ну, а какъ самаго-то взяли, все вверхъ дномъ и пошло. Придешь домой, мастера денегъ просятъ, а денегъ нѣтъ, а купецъ отказался товаръ принимать и матеріалу давать, баба реветъ коровой, ребятъ трое, малъ-мала меньше; что ты станешь дѣлать, а время идетъ, до отправки не далеко, арестъ, думаю. Отъ этой думы отъ ѣды отбился совсѣмъ; ну, а вотъ, вѣришь ли, говоритъ, хожу два дня и ѣсть не хочется, а тутъ эта муштровка солдатская, чего противнѣе на свѣтѣ нѣтъ. Какъ погоняютъ до часа, измытаришься весь, истерзаешься, безъ обѣда на нарахъ и пролежишь. Опять, чую, говоритъ, что если мнѣ идти обѣдать, то нужно себя неволить, а у меня на это силы нѣту, воля ослабла, ну, такъ и лежу, и день такъ, и два, все безъ обѣда, на одномъ чаю, болѣсть и открылась, на смотру и замѣтили, а ужъ чего, чего я не передумалъ; какъ навалилась эта тоска, я и думаю: ну, что же мнѣ теперь дѣлать? бороться, лѣчиться, но къ чему, разъ у меня свободы нѣтъ, а впереди война проклятая, умереть-то, думаю и здѣсь можно, чѣмъ на край свѣта ѣхать. Такъ я и надумалъ и рѣшилъ, что какъ погрузятъ насъ въ вагоны, повезутъ, такъ я изъ вагона на ходу съ нашего моста и прыгну въ рѣку; по крайности по вещамъ узнали бы и родные похоронили. Все имъ было бы придти куда поплакать, а то вѣдь какъ за 10 тысячъ верстъ то сгніешь и поплакать женѣ и дѣтямъ негдѣ будетъ, послѣдняго утѣшенія лишишь. Хотите, вѣрьте, говоритъ, хотите нѣтъ, а я такъ и рѣшилъ, что дальше своего мѣста не уѣду. И кто только придумалъ и затѣялъ эту войну, пусть онъ будетъ проклятъ тысячу разъ отъ нашихъ товарищей и ихъ осиротѣлыхъ семей. Они вонъ, говоритъ, офицеры-то, толкуютъ намъ про уставы солдатскіе,

про долгъ воинскій, да про честь, но вѣдь это же и при Иродахъ разныхъ солдатамъ внушали, а развѣ теперь мы похвалимъ время какого ни на есть Ирода или Бонапарта. А я такъ прямо не вѣрю, что человѣку спокойно можно звѣремъ быть и глотки другъ другу перегрызать такъ, какъ Драгомировъ на памяткѣ совѣтуетъ. Мы хоть, говоритъ, и кричимъ по ихъ приказанію „ура“, и отвѣчаемъ „такъ точно“, а все въ тебѣ другое что-то шевелится. Конечно, глупого человѣка можно подъ любое настроеніе подогнать, но и то вѣдь это на мигъ, на минуту, а какъ въ тебѣ твое-то собственное заговоритъ, ты и свильнешь сейчасъ и другимъ настроеніемъ заразишься. Вѣдь это не машинка какая, человѣкъ-то, его не установишь на долгое время на одномъ градусѣ иль зубцѣ. Офицеры-то, говоритъ, иначе и поступать не могутъ, такъ какъ они всю жизнь получаютъ совсѣмъ даромъ жалованье, имъ и стыдно отказываться, какъ до дѣла дойдетъ, да и надежда составить себѣ карьеру ихъ оживляетъ, чины и ордена, ну, а мы-то, говоритъ, съ какими надеждами охотой-то туда пойдемъ? Чѣмъ такимъ высокимъ заразимся, чтобы на такой дальній путь терпѣнія и патріотизма военнаго хватило? Іерусалимъ что-ли освобождать ведутъ, иль Бонапарта изъ Москвы выгонять? Нѣтъ, говоритъ, какъ вы хотите, а я вслухъ говорю, слава богу, что меня вычеркнули изъ списковъ воиновъ, я лучше согласенъ дань давать, только съ семьей не разставаться и до настоящей смерти дожить и не чуть мнѣ не стыдно отъ этого. А жена, говоритъ, такъ обрадовалась около присутствія давеча, что, какъ хочешь, говоритъ, теперь, а я теперь цѣлый акафистъ закажу попу Ильѣ благодарственный, а ужъ на что она не охотница съ попами дѣло имѣть; я ужъ ей и не перечу, пусть хоть башмаки ему заказываетъ вмѣстѣ съ акафистомъ. Я и самъ чую, что теперь можно всякой глупости изъ ряда выходящей надѣлать, лишь бы отпраздновать свое спасеніе и возвращеніе изъ подъ моста цѣлымъ и невредимымъ. Хотя и жалко, очень жалко, закончилъ онъ, вотъ васъ и всю эту вотъ братію, у каждаго вѣдь душа есть помимо ребятъ и жены, свой мірокъ особенный и все это дарма пропасть должно, сопрѣть раньше времени въ чужой сторонѣ.“

Прощаясь съ нимъ, мы не могли сдержаться и оба рас-

плакались. И понялъ я тутъ, какъ горе можетъ въ короткое время сдружить совсѣмъ незнакомыхъ другъ другу людей.

VII

Чѣмъ ближе подходило время, назначенное по мобилизаціонному росписанію для отправки на войну, тѣмъ безпокойнѣе дѣлался всякій солдатъ; то, что пугало каждаго въ отдаленномъ миражѣ, начинало сбываться и приближалось съ каждымъ днемъ ближе и ближе. Каждымъ овладѣла какая то растерянность и забывчивость; плохо слушали своихъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, не слушали другъ друга и сейчасъ же забывали всякое обѣщаніе и слово, данное минуту назадъ одинъ другому. Всѣ лихорадочно куда-то будто торопились, суетились; безъ разрѣшенія уходили въ городъ и вообще кого куда тянуло на сутки и болѣе. Всѣмъ хотѣлось покончить всѣ жизненные разсчеты, прежде, чѣмъ окончательно отдаться въ руки своихъ командировъ и влечь въ ярмо неудобоносимой, несвойственной человѣку жизни „христолюбиваго воина“. Послѣднія надежды такъ или иначе обратить на себя вниманіе и остаться на мѣстѣ въ запасномъ баталіонѣ или быть отпущеннымъ домой теперь уже окончательно лопнули, и смерть и неволя смотрѣли неумолимо въ глаза каждому. „Штошь теперь дѣлать! Ужъ видно одинъ разъ пропадать, не десять“, читалось въ растерянныхъ взорахъ солдатъ. Рѣдко стала слышаться пѣсня, еще рѣже веселая шутка, и все чаще и чаще изъ разныхъ угловъ казармы сталъ слышаться женскій плачъ, мало заглушаемый теперь шумомъ и гамомъ пьяныхъ расходившихся солдатъ. Разговоры стали рѣдки и отрывочны, уже не сидѣли группами, какъ прежде, а каждый старался быть однимъ, каждый впервые серьезно задавалъ себѣ вопросы: куда и зачѣмъ онъ идетъ? и проникновенно старался заглянуть мыслію за завѣсы будущаго. А бабы, на нихъ рѣшительно нельзя было безъ слезъ смотрѣть. Полуживыя, осунувшіяся съ горя, онѣ постарѣли за одинъ мѣсяцъ на 10 лѣтъ. Воинственное настроеніе, которому было поддались многіе солдаты отъ частыхъ смотровъ и похвалъ отъ высшихъ начальниковъ, теперь было рѣшительно оставлено всѣми. Въ глазахъ даже самыхъ оголтѣлыхъ отъ пьянства солдатъ свѣтилась та же тревога

и безпокойство, что и у всѣхъ остальныхъ. О, какъ дорого бы отдалъ теперь каждый изъ насъ, чтобы вмѣсто страшной и ненавистной тюрьмы попасть къ себѣ домой; уйти и совсѣмъ развязаться со своимъ званіемъ воина. Въ это именно время всякій охотно бы отдалъ все, что онъ только имѣетъ, лишь бы получить право оставить казарму и зажить тою самою жизнью, изъ которой его вырвали съ корнемъ и которая теперь, изъ казармы, представляется неописуемымъ райскимъ блаженствомъ.

Какъ огромна и ужасна стала власть людей на землѣ, которой сотни тысячъ людей, со вздохами и стонами, все же безропотно отдаются и покоряются, хотя и знаютъ впередъ, что эта покорность не спасетъ ихъ, въ данномъ случаѣ, будетъ стоить почти всѣмъ ихъ собственной жизни. Страшная, ужасная власть, ведущая теперь сотни тысячъ насъ, жалкихъ невольниковъ, бросившихъ родину, семью, кровъ и любимое дѣло, на страшную, кровавую ниву, на сцену огромнаго цирка, гдѣ мы, какъ гладіаторы, въ угоду этой безбожной власти, должны будемъ разыгривать фарсъ человѣконенавистничества, жестоко избивая другъ друга; должны будемъ впитывать въ себя иныя понятія отношеній къ людямъ въ противоположность нравственному понятію, ставшему въ современномъ обществѣ людей общей формулой — „всѣ люди братья“; должны будемъ пріучать себя къ новому ужасному и неестественному людямъ дѣлу взаимнаго истребленія. О, будь ты проклята отъ всѣхъ насъ, твоихъ невольниковъ, изнывающихъ теперь въ душной казармѣ, въ цѣпяхъ грубой, бездушной атмосферы военщины, тоскующихъ и плачущихъ по нарушенной тобою нашей жизни, нашихъ семьяхъ и милой дорогой родинѣ. Упивайся нашими слезами, поливай нашей кровью путь твоего тріуфальнаго шествія на высокую гору твоей славы, сложенную изъ нашихъ костей и труповъ. Въ ожиданіи себѣ признательности отъ благодарнаго потомства и будущей исторіи, наслаждайся пока ароматами отъ этихъ гніющихъ костей и труповъ, засыпая подъ музыку вздоховъ и стоновъ, оставленныхъ нами нашихъ осиротѣлыхъ семьей!

Наконецъ, настала роковая минута послѣдняго дня, и я не въ состояніи придумать и подобрать такія слова, чтобы изобразить весь ужасъ растерявшихся и ошалѣвшихъ отъ пьян-

ства и горя солдатъ, когда они вдругъ поняли, что всей этой пьяной безалаберщинѣ все же насталъ конецъ и теперь все же нужно прощаться и съ родиной и съ близкими сердцу, и, можетъ быть, съ жизнью, и заживо поставить надъ собою крестъ. Въ этотъ день начальство распорядилось не пускать никого изъ частной публики во дворъ казармы, хотя за воротами уже съ самаго ранняго утра собралась огромная толпа женъ, дѣтей и родственниковъ отъѣзжающихъ, запрудившихъ собою всю улицу на большое пространство. Не знаю, слышалъ ли, видѣлъ ли богъ церковнаго толка, милостивый и всевидящій, что было тогда, когда растворились ворота и по командѣ: „ряды вздвой! по ротно, шагомъ маршъ!“ стали выходить солдаты, обвѣшенные сумочками и мѣшечками и казенной аммуниціи, и собственныхъ вещей? Дрогнули солдаты подъ напоромъ хлынувшей на нихъ этой толпы, смѣшали строй, дрогнула толпа и какъ одинъ человѣкъ завыла и заголосила на тысячи разнообразныхъ напѣвовъ одну и ту же горькую пѣснь безнадежнаго отчаянія, которой она въ единичныхъ случаяхъ у себя дома оплакиваетъ своихъ покойниковъ, провожая ихъ на вѣчную квартиру погоста. Если бы онъ видѣлъ и слышалъ эту пѣснь-вопль, то, при приписываемой ему любви къ людямъ и всемогуществѣ, Онъ не могъ бы, не заткнувши, ушей слышать и не пожалѣть этихъ измученныхъ и истерзанныхъ горемъ и водкой людей... Но онъ не услышалъ, не пожалѣлъ, не обнаружилъ своего присутствія и солдаты пошли... двинулась слѣдомъ и плачущая и стонущая толпа, связанная душою и тѣломъ съ уходящими солдатами.

Когда подали подвижной составъ и солдаты устремились занимать мѣста въ вагонахъ, толпа обезумѣла и завыла, завыла безъ конца и перерыва. Плакали и частные люди, пришедшіе посмотрѣть на интересное зрѣлище людского горя и, Богъ вѣсть, отчего только не плакали камни подъ ногами этихъ измученныхъ людей, обреченныхъ на смерть и долгія муки? Изъ вагоновъ солдаты протягивали руки и бабы подавали имъ дѣтей, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться ими и сказать ласковое слово. Не смотря на то, что и по дорогѣ изъ казармъ и здѣсь солдатамъ ежеминутно совали родственники бутылочки и полубутылочки, пьяныхъ не было. Въ

этотъ день горе было сильнѣе водки и было господиномъ положенія. „Не беретъ сегодня—говорилъ знакомый солдатъ — пятаго жулика чуть не заразъ пью, а хоть бы что!“ „Точно ее водой сегодня разбавили, прибавлялъ другой, пилъ, пилъ, а все ничего, ни росинки въ глазу“.

Мимо меня спѣшно пронесли бородатаго солдата, не то умершаго, не то обморочнаго; глаза его были неподвижны, не закрыты, но лицо синее, синее. Говорили, что у него недавно умерла жена, а теперь родственники привели къ нему прощаться пятерыхъ его дѣтей, малъ-мала меньше и бѣдняга не выдержалъ, замертво повалился на землю на глазахъ всей толпы. Я видѣлъ, какъ многіе изъ частной публики, въ особенности женщины, стали отирать слезы при видѣ бѣгущихъ за этимъ мертвымъ солдатомъ его дѣтей, испуганно плачущихъ, когда его проносили отъ дальнихъ вагоновъ къ станціи. Двоихъ меньшихъ несли на рукахъ, а трое бѣжали сами. „Чтожъ, онъ выгадалъ—говорили плачущія бабы изъ простонародья, по крайности на своей стороны кости будутъ лежать, а не на чужбинѣ, все хоть могилу дѣти будутъ знать, вспомянутъ и придутъ на могилу“. „О, Господи, господи, — со слезами и со вздохами говорили они—и что это у насъ подѣялось такое, аль передъ Богомъ погрѣшили, аль ужъ свѣта конецъ приступаетъ?“ Немного погодя пронесли почти что одна за другою двухъ женщинъ въ безпамятствѣ; несли ихъ не солдаты уже, а вольные, прилично одѣтые, видно было, что это женщины изъ городскихъ. „Знать съ удару сдѣлалось—заговорили бабы — ничего, богъ дастъ, этихъ отходятъ къ вечеру. Значитъ, ужъ очинно хорошо съ мужьями жили, аль ребятенокъ много, поди, осталось“, пояснили тѣ, у которыхъ своего горя было поменьше и они могли замѣчать и видѣть, что происходило вокругъ.

Еще нѣкоторые солдаты крѣпились, безумно кричали безсмысленное „ура“, запѣвали всякія пѣсни, но когда раздался первый звонокъ, всѣ разомъ стихли, слышно было ихъ оханье и плачъ, бабьи причитанья, вопли. Въ этотъ моментъ со всѣхъ солдатъ свалилось все напускное, привитое имъ военною дрессировкой и солдатскими науками до солдатской памятки включительно; душа и собственное горе взяли верхъ, и ужасъ ихъ положенія взглянулъ имъ прямо въ глаза. Каж-

дый собственными мыслями не могъ не подумать въ этотъ мигъ, что вотъ есть бѣлый свѣтъ, есть они сами, ихъ жизнь, семья, родина и все это отъ нихъ безжалостно отнимается, для неизвѣстной и непонятной имъ цѣли войны. Почти у всѣхъ на рукахъ были дѣти и съ ними то было такъ мучительно разставаться солдатамъ, ихъ отцамъ. Вѣдь они для нихъ самая сильная любовь и привязанность къ жизни и родинѣ: въ нихъ была вся отрада, вся любовь въ нашей будничной трудовой жизни, они не причастны еще къ дѣлу нашихъ политическихъ и государственыхъ стремленій и хитростей, но они-то, невинные, несутъ и понесутъ самую злую горечь отъ нашихъ безумныхъ дѣлъ и замысловъ. Раздался и послѣдній звонокъ, поѣздъ медлилъ, не трогаясь съ мѣста, солдаты торопливо и испуганно стали передавать дѣтей на руки матерямъ и послѣднее прощай было сказано въ отчаянномъ воплѣ женъ и матерей и въ безумныхъ взглядахъ также плачущихъ и рыдающихъ солдатъ. Поѣздъ послѣ долгаго и пронзительнаго свиста загромыхалъ, и шелъ впередъ, къ тому самому мосту, съ котораго хотѣлъ спрыгнуть въ рѣку мой знакомый, сосѣдъ по нарамъ въ казармѣ. Послышалась какая-то громкая команда и вслѣдъ за нею раздалось безконечное и отчаянное „ура“, отъѣзжающіе солдаты только и могли теперь топить свое горькое горе, возбуждая въ себѣ военный азартъ и заливая жестокую боль на мигъ проснувшагося въ нихъ человѣческаго чувства и озаренія. Иного въ ихъ положеніи не было. И публика, и провожающіе родные тихо, тихо, какъ съ похоронъ стали расходиться, бабы все еще продолжали ревѣть, а тамъ вдали надъ всѣмъ городомъ все еще неслось отчаянное „ура“ съ удаляющагося дальше и дальше поѣзда.

Ну, прощайте, прощайте же братья! Умирая тамъ на чужбинѣ, утѣшайтесь тѣмъ, что вы — жертва, приносимая страшному Богу мести вашей родиной за грѣхи князей сего міра. Богу любви и жизни понесите вашъ протестъ, вашу жалобу за отнятую у васъ жизнь и жизнь вашихъ семей.

Библиотека
Института Ленина

М. Ц.

1 сентября 1904 г.

при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.